

Е. В. Желтова (СПбГУ),
А. Ю. Желтов (СПбГУ / МАЭ РАН)

ОБ АСИММЕТРИИ ИМЕННЫХ И ПРОНОМИНАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предпринимается попытка выявить внутренние отношения в парадигме латинских личных местоимений и показать, какие элементы находятся ближе друг к другу с точки зрения парадигматических связей. Авторы отталкиваются от предложенного ими ранее описания парадигмы падежей в именной системе, в формировании которой они отводят решающую роль морфемному синкретизму. Синкретизм трактуется как системный феномен морфемной нейтрализации, а не как результат редукции падежных флексий. На основании синкретизма обосновывается парадигматическая структура латинских падежей, в которой формы с одинаковыми флексиями обязательно занимают смежные позиции. Между морфемным синкретизмом и семантикой падежей существует определенная корреляция, которую можно продемонстрировать на примерах из латинских текстов. С использованием данного метода был проведен анализ синкретизма прономинальных падежных флексий, который, как оказалось, обнаруживает серьезные расхождения по сравнению с именным в отношении двух членов парадигмы: номинатива и генитива. Особое место номинатива в прономинальной парадигме обусловлено его «несинтаксическим» характером и употреблением исключительно в прагматических функциях эмфазы или фокуса контраста, что характерно для языков с *pro-drop*. Что касается генитива, он выступает в парадигме в трех формах, соответствующих трем его базовым функциям — притяжательной, объектной и партитивной, — и все они по своему происхождению являются формами посессивных местоимений. Так устанавливается межпарадигматический синкретизм, скрепляющий парадигму родственных друг другу личных и притяжательных местоимений. Предложенный метод позволяет не только представить по-новому прономинальную падежную парадигму и показать ее отличия от именной, но и высветить функционально-семантические особенности отдельных ее членов.

Ключевые слова: латинский язык, падежная парадигма, падежный синкретизм, личные местоимения, номинатив, генитив.

E. V. Zheltova (St. Petersburg State University),
A. Ju. Zheltov (St. Petersburg State University / MAE RAS (Kunstkamera))

Towards the asymmetry between nominal and pronominal paradigms in Latin

The article attempts to discover an internal mechanism that brings the elements of a paradigm together, and to present a new paradigm of Latin

personal pronouns. The authors echo their earlier suggestion that the crucial role in structuring a case paradigm is played by morphemic syncretism. The syncretism is treated as a systemic phenomenon of morpheme neutralization rather than a result of the reduction of case inflections. In the paradigm built on this principle, the cases marked with the same endings necessarily take adjacent positions. There is a certain correlation between morphemic syncretism and the semantics of cases, which is observable in the Latin texts. Grounded on this method, the analysis of syncretism of pronominal cases reveals the significant discrepancies concerning two cases: nominative and genitive. In the authors' opinion, the special status of the nominative in the pronominal paradigm is due to its «non-syntactic» nature, i. e. its use exclusively in the pragmatic functions of emphasis and contrastive focus, which is typical for the pro-drop languages. As for the genitive case, it appears in three different forms which are originated from the possessive pronouns and correspond to the three basic functions of the genitive case, i.e. possessive, objective, and partitive ones. Such interparadigmatic syncretism brings together the paradigms of personal and possessive pronouns which are related by nature. The proposed method reveals the asymmetry between nominal and pronominal paradigms and highlights some functional and semantic features of the particular cases.

Key words: Latin, case paradigm, case syncretism, personal pronouns, Nominative, Genitive.

1. Введение

Данная статья является продолжением предпринятого авторами исследования латинской падежной парадигмы, первая часть которого была опубликована в Zheltov, Zheltova 2020. В ходе работы над материалом стало понятно, что прономинальная парадигма отличается от именной по нескольким параметрам, поэтому было принято решение посвятить этой теме отдельное исследование: проблема адекватного описания падежной парадигмы личных местоимений (а точнее, местоимений-локуторов) является необходимой частью интегрального описания всей падежной системы латинского языка, включающей как именные, так и местоименные парадигмы. Однако, поскольку оба исследования связаны друг с другом общей методологией и концепцией, мы должны кратко изложить основные результаты предыдущей работы¹.

2. Именные падежи в латыни

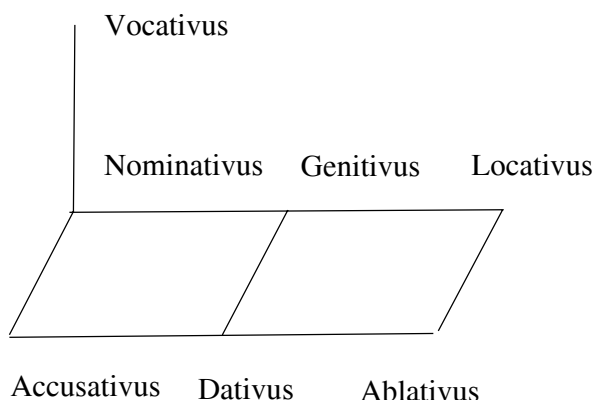
При рассмотрении именной падежной системы латинского языка в Zheltov, Zheltova 2020 нами обосновывалась роль морфемного синкретизма в формировании парадигмы падежей и предлагалась парадигматическая модель оппозиций, базирую-

¹ См. подробнее: Zheltova, Zheltov 2020.

щаяся на строго формальном критерии: наличие синкретизма — наличие оппозиции. Было показано, что в латинском именном склонении образуются синкретические формы (морфемные нейтрализации), объединяющие номинатив с аккузативом и генитивом; аккузатив — с номинативом и дативом; генитив — с номинативом и дативом; датив — с аблативом, генитивом и аккузативом; аблатив — с дативом. А если включить в рассмотрение «маргинальные» падежи — вокатив и локатив — можно говорить также о синкретизме локатива с аблативом и генитивом, а вокатива — с номинативом. Мы исходим из того, что нейтрализация (синкретизм) падежей в латыни — это не случайная «игра редукции», а системный процесс, который на парадигматическом уровне отражает семантическую близость и сходство синтаксических функций различных падежей². Иными словами, между морфемным синкретизмом и функциональной семантикой падежей существует определенная корреляция, которая может быть продемонстрирована на конкретных примерах (Zheltov, Zheltova 2020: 1056–1066). На основе этих наблюдений мы предложили строго формально обусловленную схему падежных оппозиций (схема 1):

Схема 1. Парадигма латинских именных падежей (включая вокатив и локатив)

Fig. 1. Paradigm of Latin nominal cases (including Vocative and Locative)

Как видно из предложенной схемы, между всеми участниками оппозиций существует морфемный синкретизм, но между «не соседними» элементами синкретизм возможен только через

² Подробнее о том, что синкретизм падежей мотивирован их общим значением и функцией, и следовательно, дает возможность предсказать, какие падежи могут слиться друг с другом, а какие — нет, и проследить это на разном языковом материале, см. Ваerman 2008: 221–222; Barðdal, Kulikov 2008: 474.

промежуточный элемент: например, аблатив может образовывать синкретичные формы с аккузативом только при наличии таковых между аблативом и дативом, дативом и аккузативом в той же парадигме³.

При всех попытках построения парадигматических оппозиций, в частности, Р. О. Якобсоном (Jakobson 1985 a, b) и И. М. Тронским (Tronsky 2001), наименее убедительными кажутся выделения общих семантических инвариантов для падежей, находящихся в оппозиционном единстве. Тем не менее, если подобные инварианты являются вспомогательным инструментом анализа, опирающегося на формальный (проверяемый) языковой материал, они становятся более мотивированными, хотя при этом принципиально специфичными для каждого конкретного языка, а не отражающими некую логическую матрицу. В латыни оппозиционное противопоставление номинатива, генитива и локатива, с одной стороны, аккузативу, дативу и аблативу — с другой, может быть описано семантической оппозицией объектных (Acc., Dat., Abl.) и неobjектных падежей (Nom., Gen., Loc.)⁴. Аккузатив при этом реализует прямую объектность, датив — косвенную, а аблатив — объектность предложную, или обстоятельственную. Номинатив и аккузатив являются падежами главными — без них, в принципе, не может существовать минимальная предикация (при переходном глаголе — без номинатива и аккузатива; при непереходном глаголе — без номинатива), в то время как без остальных падежей такая предикация возможна. Среди «неглавных» падежей можно выделить общий признак «падежи обладания» для генитива и датива, а для аблатива и локатива дифференциальным признаком является «обстоятельность», то есть меньшая, чем у остальных, включенность в актантную структуру высказывания, большая «сирконстантность». Таким образом, набор дифференциальных парадигматических признаков падежей можно было бы представить так:

³ Речь принципиально идет только о нейтрализациях внутри одной парадигмы: совпадение форм из разных парадигм — например, ед. числа генитива и мн. числа номинатива в 1 склонении типа русс. *тучи* (генитив ед. ч.) — *тучи* (номинатив мн. ч.) — здесь не рассматривается и трактуется как омонимия, а не синкретизм, т. е. как случайный, а не системный фактор.

⁴ Строго говоря, генитив тоже может выполнять синтаксическую функцию объекта (ср. *Genitivus obiectivus, memoriae etc.*), но его «объектность» проявляется в меньшей степени, чем у остальных косвенных падежей, уступая место основной семантической характеристике генитива — притяжательности.

Номинатив — главный, необъектный
 Аккузатив — главный, объектный⁵
 Генитив — неглавный, (не)объектный, обладания
 Датив — неглавный, объектный, обладания
 Аблатив — неглавный, объектный, обстоятельственный
 Локатив — неглавный, необъектный, обстоятельственный.

Данный обзор позволяет нам вплотную приблизиться к проблеме, вынесенной в заглавие этой статьи, то есть проанализировать структуру падежной парадигмы личных местоимений в латыни и выявить ее отличия от именной. Следует оговориться, что в систему личных местоимений мы здесь включаем только местоимения 1 и 2 лица (местоимения-локуторы, обозначающие участников речевого акта), которые в грамматиках латинского языка классифицируются как личные. Указательные местоимения, выполняющие роль личных местоимений 3 лица, здесь рассматриваться не будут⁶.

3. Прономиальные падежи в латыни

Анализ падежных флексий личных местоимений и проявлений синкретизма между ними (морфемных нейтрализаций) демонстрирует принципиально отличную картину, которая, как мы покажем, создает определенные трудности, не возникавшие при анализе именных падежей⁷ (табл. 1).

Таблица 1. Падежные парадигмы личных местоимений в латыни

Table 1. Case paradigms of Latin personal pronouns

	1 SG	2 SG	1 PL	2 PL
Nom	<i>ego</i>	<i>tū</i>	<i>nōs</i>	<i>vōs</i>
Gen. 1	<i>meī</i>	<i>tuī</i>	<i>nostrī</i>	<i>vestrī</i>
Gen. 2	-	-	<i>nostrum</i>	<i>vestrum</i>
Dat.	<i>mihī</i>	<i>tibī</i>	<i>nōbīs</i>	<i>vōbīs</i>
Acc.	mē	tē	<i>nōs</i>	<i>vōs</i>
Abl.	mē	tē	<i>nōbīs</i>	<i>vōbīs</i>

⁵ В Carvalho 1983: 63 аккузатив назван «привилегированным непротагонистом» (non-protagoniste “privilégié”), т. е. вторым по статусу падежом после номинатива (protagoniste).

⁶ В этом пункте мы разделяем позицию Эмиля Бенвениста, что «третье лицо в действительности не-лицо» (Benvenist 1974: 290).

⁷ Эти трудности, однако, не касаются отсутствия в числе прономиальных падежей форм вокатива и локатива, поскольку и в именной падежной парадигме они занимают маргинальное положение.

Помимо традиционных и проявляемых в нескольких именных парадигмах морфемных нейтрализаций: номинатив/аккузатив: *nos* — Nom/Acc 1PL, *vos* — Nom/Acc 2PL и датив/аблатив: *nobis* — Dat/Abl 1PL, *vobis* — Dat/Abl 2PL, — в прономинальной парадигме выделяется еще лишь одна нейтрализация «аккузатив — аблатив»: *me* — Acc/Abl 1SG, *te* — Acc/Abl 2SG.

Отмеченные нейтрализации обнаруживают сразу три проблемы:

1) синкретизм падежей в прономинальной и именной парадигмах неодинаков,

2) имеющихся нейтрализаций недостаточно для «склеивания» парадигмы, в чем, как показывал анализ именных падежей, и состоит их функциональная роль (ZheltoV, Zheltova 2020: 1056),

3) из прономинальной парадигмы «выпадают» оба генитива, не образующие нейтрализаций ни с одним из падежей, при этом различие двух генитивов нейтрализуется в парадигме единственного числа и реализуется в парадигме множественного.

В следующих разделах статьи мы попытаемся предложить свое решение выявленных проблем.

4. Роль притяжательных местоимений в формировании прономинальной парадигмы

Если в именной парадигме синкретичные формы находятся в дополнительной дистрибуции друг к другу в разных склонениях, то для местоимений-локуторов вариативности склонений, на первый взгляд, не существует. Это, однако, не совсем верно. Исторически сложилось так, что в дополнительной дистрибуции по отношению к личным местоимениям оказались притяжательные (Tronsky 2001: 197): хотя парадигма притяжательных местоимений *meus, tuus, noster, vester* относится к стандартному склонению прилагательных, которое в латинском языке ничем не отличается от склонения существительных, и на этом основании рассматривалось нами как часть именной падежной парадигмы, эти местоимения имеют прямое отношение и к парадигме местоимений-локуторов, поскольку содержат указание на лицо посессора⁸. Таким образом, позволительно утверждать, что характеристики категории лица, системообразующие для парадигмы личных местоимений, актуальны и для парадигмы притяжательных, а значит, мы получаем право

⁸ Исторически притяжательные местоимения являются прилагательными, образованными на основе личных при помощи тематического исхода основы *-o-/* и атематического *-eH₂-* и (во мн. ч.) контрастивного суффикса *-tero-/tereH₂-* (Sihler 1995: 382).

на анализ синкретизма падежных форм, релевантного для оппозиций латинских личных местоимений, и в парадигме притяжательных местоимений, что добавляет оппозицию «генитив — датив», основанную на последовательном синкретизме:

- meae* — Gen/Dat. Sg.⁹, f;
- tuae* — Gen/Dat. Sg., f;
- nostrae* — Gen/Dat. Sg., f;
- vestrae* — Gen/Dat. Sg., f.

При этом сохраняются и другие характерные для латинской падежной системы нейтрализации Nom/Acc и Dat/Abl (табл. 2).

Таблица 2. Склонение притяжательных местоимений первого лица (*meus, noster*¹⁰).

Table 2. Declension of possessive 1st person pronouns (*meus, noster*)

Ед. число посессора						
Ед. число обладаемого			Мн. число обладаемого			
Род	m	f	n	m	f	n
Падеж						
Nom.	<i>meus</i>	<i>mea</i>	<i>meum</i>	<i>meī</i>	<i>meae</i>	<i>mea</i>
Gen.	<i>meī</i>	<i>meae</i>	<i>meī</i>	<i>meōrum</i>	<i>meārum</i>	<i>meōrum</i>
Dat.	<i>meō</i>	<i>meae</i>	<i>meō</i>	<i>meīs</i>		
Acc.	<i>meum</i>	<i>meam</i>	<i>meum</i>	<i>meōs</i>	<i>meās</i>	<i>mea</i>
Abl.	<i>meō</i>	<i>meā</i>	<i>meō</i>	<i>meīs</i>		
Мн. число посессора						
Ед. число обладаемого			Мн. число обладаемого			
Род	m	f	n	m	f	n
Падеж						
Nom.	<i>noster</i>	<i>nostra</i>	<i>nostrum</i>	<i>nostrī</i>	<i>nostrae</i>	<i>nostra</i>
Gen.	<i>nostrī</i>	<i>nostrae</i>	<i>nostrī</i>	<i>nost(rō)rum</i>	<i>nostrārum</i>	<i>nost(rō)rum</i>
Dat.	<i>nostrō</i>	<i>nostrae</i>	<i>nostrō</i>	<i>nostrīs</i>		
Acc.	<i>nostrum</i>	<i>nostram</i>	<i>nostrum</i>	<i>nostrōs</i>	<i>nostrās</i>	<i>nostra</i>
Abl.	<i>nostrō</i>	<i>nostrā</i>	<i>nostrō</i>	<i>nostrīs</i>		

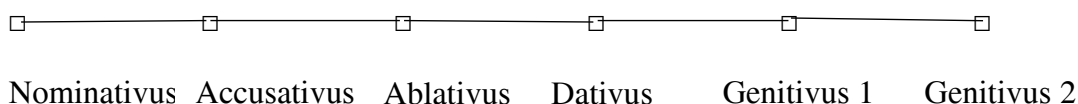
⁹ Подчеркнем еще раз, что совпадение флексий Gen/Dat. Sg. и Nom. Pl. мы трактуем как случайную омонимию, а не синкретизм (см. подробнее сноску 3).

¹⁰ Склонение местоимений 2 лица *tuus, vester* полностью повторяет флексии местоимений первого лица и поэтому здесь не приводится.

Таким образом, в прономинальной парадигме, как и в именной, все падежи оказываются связанными системой синкретизма (морфемных нейтрализаций), но эта связь представляется менее жестко структурированной по сравнению с именной падежной системой: генитив не связан оппозиционными отношениями с номинативом, аккузатив с дативом, а аблатив принципиально меняет парадигматическое положение, как бы сдвигаясь в сторону аккузатива. Система выглядит значительно менее «сбалансированной» и компактной, чем в именной парадигме (схема 2):

Схема 2. Парадигма латинских прономинальных падежей (на основе падежного синкретизма)

Fig. 2. Paradigm of Latin pronominal cases (on the base of case syncretism)

Хотя прономинальная парадигма выглядит упрощенной и «одномерной» в сравнении с именной, в ее основе по-прежнему лежит важный методологический принцип: между падежами, соединенными друг с другом линиями, существует падежный синкретизм, который основан на частичном пересечении их семантики и синтаксических функций и будет более подробно рассмотрен ниже.

5. Прономинальные падежи и специфика номинатива

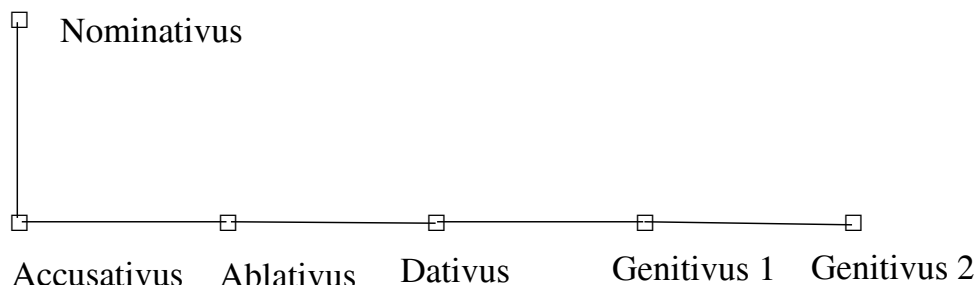
Следует признать, что представленная выше система оппозиций прономинальной парадигмы не учитывает принципиально иного — по сравнению с именной падежной системой — отношения прономинального номинатива к остальным падежам, основанного на его особом прагматическом статусе. В самом деле, в именной парадигме номинатив является полноправным членом синтаксической структуры: это падеж подлежащего (первого актанта), и без него невозможно практически ни одно законченное высказывание. Личные местоимения в номинативе имеют совершенно иной семантико-прагматический статус: формы *ego*, *tu*, *nos*, *vos* не являются необходимыми для выражения прономинального субъекта, поскольку минимально необходимым средством его выражения в латыни служит личная глагольная флексия, а не личное местоимение. Это характерная черта языков с *pro-drop*, к которым относится латынь. Использование личного местоимения в номинативе не создает минимальной актантной структуры: знаменитый афоризм, который античная традиция приписывает Цезарю, —

Veni, vidi, vici (Caes. apud Sen. senior. *Suasoriae* 2, 22) ‘Пришел, увидел, победил’ — не предполагает использования *ego*, а *Gaudeamus igitur* прекрасно обходится без *nos*. Употребление личного местоимения возможно, но составляет не минимальное предикативное высказывание, а эмфатическую конструкцию фокуса контраста: *Ego veni* означало бы ‘Я пришел’ (именно я, а не кто-то другой)¹¹. Таким образом, номинатив в прономинальной парадигме «уходит» из синтаксических отношений и перестает соответствовать классическому определению падежа: «Падеж — это система маркирования на зависимом имени типа его отношения к главному слову» (Blake 2001: 1).

Подобно тому как вокатив в системе именных падежей не попадает под определение падежа, поскольку не находится в отношениях зависимости ни с одним из элементов синтагмы (Blake 2001: 19; Daniel, Spencer 2008: 234; Arkadiev 2009: 61; Zheltov, Zheltova 2020: 1063–1065), прономинальный номинатив имеет лишь прагматическую, а не синтаксическую связь с высказыванием. Таким образом, мы должны констатировать как противопоставленность прономинального номинатива всем другим падежам, так и его морфологическую связь с очевидным членом падежной системы — аккузативом, основанную на падежном синкретизме. Поскольку нами уже была постулирована обязательная реакция парадигматики падежей на морфемный синкретизм, а он в данном случае отчетливо наблюдается, мы должны интегрировать номинатив в предложенную нами схему, однако противопоставленность прономинального номинатива всем другим падежам требует открыть для него «новое измерение» (схема 3):

Схема 3. Парадигма латинских прономинальных падежей (с учетом специфики прономинального номинатива)

Figure 3. Paradigm of Latin pronominal cases (with the special position of Nominative)

¹¹ Эту функциональную особенность номинатива личных местоимений отмечает Зилер, говоря, что «так называемый номинатив личных местоимений — это не падеж субъекта, а скорее эмфатическая или топикализирующая частица наподобие фр. *moi*» (Sihler 1995: 370).

В данной схеме отражено как наличие синкретизма между флексиями номинатива и аккузатива, так и принципиально иная (прагматическая, а не синтаксическая) функция латинских личных местоимений в номинативе.

Нельзя не отметить, что процесс замещения номинатива аккузативом в системе падежных оппозиций находит подтверждение в истории формирования парадигмы латинских личных местоимений: как пишет И. М. Тронский, «во множественном числе латинский язык утратил древние основы им. п., отличные от основ косвенных падежей, и в качестве им. п. функционируют формы вин. п. *nōs, vōs*» (Tronsky 2001: 197). Такое замещение могло быть спровоцировано частым совпадением форм номинатива и аккузатива мн. ч. у существительных и прилагательных (Sihler 1995: 381). С нашей точки зрения, замещение номинатива аккузативом базировалось на близости их синтаксических функций в определенных конструкциях¹². Чаще всего аккузатив брал на себя основную функцию номинатива — выражать субъект действия или состояния — в конструкциях *Accusativus cum Infinitivo* (1) и *Accusativus exclamationis* (2):

- (1) *Cassius semet eo brevi venturum pollicetur* (Sall. Cat. 44, 2)
'Кассий обещает, что он скоро сюда прибудет'.
- (2) *Heu me miserum, misere perii!* (Plaut. Aul. 721)
'О, я несчастный, погиб как жалко!'

Кроме того, аккузатив маркировал субъект состояния в конструкциях с безличными глаголами, выражающими раскаяние (*poenitet*), досаду (*piget*), стыд (*pudet*), отвращение (*taedet*), пример (3):

- (3) *Quam me pudet nequitiae tuae, cuius te ipsum non pudet* (Cic. Phil.2, 30, 76)
'Как стыдно мне за твое небрежение, за которое самому тебе не стыдно.'

Что касается синкретизма аккузатива и аблатива, мы можем предположить, что он основан на включенности обеих падежей в передачу семантики направления, хотя и с противоположными друг другу векторами, что хорошо видно из примера (4):

¹² Об экспансии аккузативного субъекта в поздней латыни см.: Sennato 2011: 170–171; Rovai 2012: 98–100, о его использовании в безлично-пассивных конструкциях — Chernysheva 2018: 242.

- (4) *Quasique anulum hunc ancillula tua abs te detulerit ad me*
(Plaut. *Mil.* 912)

‘Как будто твоя служаночка принесла это колечко от тебя ко мне’.

6. Прономинальные падежи и специфика генитива

В латинском языке отличие прономинальной падежной системы от именной отмечается еще в одном падеже — генитиве. Хорошо известно, что во многих языках генитив личных местоимений может использоваться для передачи посессивных отношений либо наряду с притяжательными местоимениями, либо вместо них. Так, конструкция с притяжательным местоимением (ἐμὸς πατήρ ‘мой отец’), служившая в древнегреческом для выражения обладания наряду с генитивом личного (πατήρ μου ‘мой отец’), в новогреческом была полностью вытеснена генитивом личного (ср. ο πατήρας μου ‘мой отец’). В некоторых языках способы выражения обладания зависят от лица: так, в русском посессивность в 1 и 2 лице выражается притяжательными местоимениями («моя/твоя книга»), а в 3 лице — генитивом личных («его/ее/их книга»). Интересно, что в русском языке данные формы местоимений 3 лица являются синкретичными, и такого рода синкретизм можно назвать «межпарадигматическим», поскольку совпадающие формы присутствуют в парадигмах как личных, так и притяжательных местоимений: «увидел ее (вин. пад., ед. ч., ж. р. личного мест.)» / «ее (род. пад., ед. ч., ж.р. формы, выполняющей функция притяж. мест.) книга».

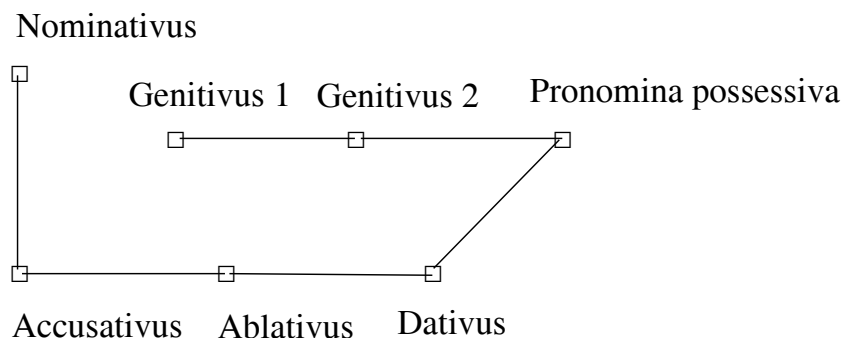
Межпарадигматический синкретизм личных и притяжательных местоимений имеет место и в латыни: все формы генитива 1 совпадают с формами генитива соответствующих притяжательных местоимений в единственном числе: *mei/tui/nostri/vestri*, поскольку напрямую заимствованы из парадигмы притяжательных, а формы *nostrum* и *vestrum* (генитив 2) происходят из генитива соответствующих притяжательных местоимений во множественном числе (Sihler 1995: 376–377). Неудивительно, что единственный случай нейтрализации генитива с другими падежами (нейтрализация генитив/датель в женском роде, как, например, *nostrae*¹³) наблюдается именно в парадигме притяжательных местоимений — для парадигмы собственно

¹³ Интересно, что такая же нейтрализация наблюдается и в русском языке: *нашей* (генитив/датель).

личных местоимений формы генитива слишком «чужие», чтобы участвовать в нейтрализации. Функции генитива в парадигме личных местоимений распределяются по трем формам: прототипическая посессивная функция, объединяющая генитив с дативом в именной парадигме (см. схему 1), переходит к парадигме притяжательных местоимений, партитивная функция закрепляется за заимствованной из той же притяжательной парадигмы формой генитива 2, который функционально-семантически соотносится с аблативом¹⁴, а все объектные функции, соотносимые с семантикой аккузатива, выражаются генитивом 1, также заимствованным из парадигмы притяжательных местоимений. Таким образом, генитив в именной парадигме занимает три позиции, соответствующие трем рассмотренным формам. Это дает нам возможность отобразить парадигматическую систему падежных оппозиций личных местоимений, соблюдая постулированный выше принцип мотивированности оппозиций наличием синкретизма между соответствующими падежными формами (схема 4):

Схема 4. Парадигма латинских прономинальных падежей (с учетом специфики прономинального номинатива и генитива)

Figure 3. Paradigm of Latin pronominal cases (with the special position of Nominative)

Данная схема показывает, что номинатив противопоставлен всем другим падежам как «несинтаксический», или «эмфатический», но при этом имеет общие (синкретичные) формы и функции с аккузативом, а генитив распределяется по трем разным точкам одной грани, и при этом формально все три фор-

¹⁴ Неслучайно партитивные отношения в латыни могут передаваться не только генитивом, но и аблативом с предлогом *e/ex*, ср. *unus e nobis* = *unus nostrum* 'один из нас'. Близость аблативной и партитивной семантики просматривается и в русских конструкциях *ушел от нас* / *один из нас*.

мы «заимствуются» из парадигмы притяжательных местоимений. Чрезвычайно важно, что наличие синкретизма датива и генитива притяжательных местоимений объединяет, по сути, две исходно разные, но связанные родственными отношениями парадигмы¹⁵. Релевантность предложенной нами схемы находит подтверждение в примерах из латинских авторов, показывающих, что «соседние» падежи, имеющие синкретичные формы, выполняют сходные синтаксические функции, и даже падежи, не связанные синкретизмом, но расположенные симметрично на разных гранях прямоугольника, также имеют частичное семантическое сходство. Синкретизм номинатива и аккузатива, а также аккузатива и аблатива уже был проиллюстрирован нами на примерах 1–4. Синкретизм датива и аблатива, засвидетельствованный во всех именных и прономинальных парадигмах во множественном числе, на синтаксическом уровне реализуется в сходных функциях *Dativus auctoris* и *Ablativus auctoris*, используемых для выражения субъекта действия в пассивной конструкции¹⁶ (примеры 5–6):

- (5) *Amata nobis quantum amabitur nulla* (Catull. 8, 5).
‘Любимая нами, как ни одна другая не будет любима.’
- (6) *Erat una cum ceteris Dumnorix Haeduus, de quo a nobis antea dictum est* (Caes. BGall. 5, 6, 1)
‘Заодно с остальными был эдуй Думнориг, о котором нами уже прежде было сказано.’

Новое осмысление — по сравнению с именными парадигмами — приобретает здесь синкретизм генитива и датива: он обнаруживается в парадигме притяжательных местоимений и рассматривается нами как языковой механизм, скрепляющий прономинальную парадигму, поскольку функционально датив личных местоимений (*Dativus possessivus*, пример 7) и притяжательные местоимения (*Pronomina possessiva*, пример 8) связаны общей семантикой «обладания»:

- (7) *Mihi est Menaechmo nomen* (Plaut. Men. 1068)
‘Имя мне Менехм.’
- (8) *Cylindrus ego sum: non nosti nomen meum?* (Plaut. Men. 294)
‘Да я Килиндр: неужто не знаешь мое имя?’

¹⁵ Напомним, что родство личных и притяжательных местоимений состоит в том, что последние образуются на основе первых (Sihler 1995: 382).

¹⁶ См. о синкретизме датива и аблатива подробнее Zheltov, Zheltova 2020: 1059–1060.

Такой же семантической, но не синкретической связью отмечены аблатив и генитив 2, обладающие общим признаком «отложительности». У аблатива он проявляется в исконной функции *Ablativus separationis*, а у генитива 2 — в *Genitivus partitivus* (примеры 9–10):

- (9) *Quisnam a nobis egreditur foras?* (Ter. Haut. 561)
 ‘Кто там от нас выходит наружу?’
- (10) *Quem enim nostrum ille moriens apud Mantineam Epaminondas non delectat?* (Cic. Fam. 5, 12, 5)
 ‘Ибо кого из нас на трогает — пусть с примесью некоторой жалости — знаменитый Эпаминонд, умирающий под Мантинеей?’

Аккузатив и генитив 1 связаны признаком «(прямой) объектности»¹⁷: у генитива 1 из всех именных функций генитива остается лишь *Genitivus obiectivus*. Так, примеры 11–12 показывают, что при предикатах со значением «помнить» возможно дополнение как в аккузативе (11), так и в генитиве (12)¹⁸:

- (11) *Dic mihi, ecquid meministi tuorum parentum nomina* (Plaut. Poen. 1062)
 ‘Скажи мне, помнишь ли ты имена твоих родителей.’
- (12) *Faciam, ut mei memineris, dum vitam vivas* (Plaut. Pers. 494)
 ‘Я уверен, будешь помнить меня, пока ты жив.’

Следует признать, что заимствованный характер всех генитивных форм делает местоименную парадигму существенно менее скрепленной, чем парадигма именных падежей. Между функционально схожими аккузативом и генитивом 1, аблативом и генитивом 2 не образуется синкретических форм, поэтому нет оппозиций между ними и на схеме.

¹⁷ Относительно разделения объектов на прямые и косвенные нет единого мнения. В самом деле, синонимичные глаголы могут управлять как аккузативом, так и дативом/генитивом второго аргумента без каких-либо семантических отличий (Pinkster 2015: 1192), например: *medeor tibi* (Dat.) ‘лечу тебя’ vs. *sano te* (Acc.) ‘лечу тебя’ (Woodcock 1959: 42). По сути, в обоих приведенных примерах второй аргумент выполняет синтаксическую функцию прямого дополнения, хотя выражен разными падежами.

¹⁸ Такой генитив традиционно называют *Genitivus memoriae*. Семантические различия между ним и аккузативом трудноуловимы, хотя Пинкстер отмечает, что аккузатив чаще употребляется с неодушевленными, а генитив — с одушевленными (Pinkster 2015: 118). Наши примеры (11) и (12) этому соответствуют.

7. Выводы

На основе проведенного анализа мы пришли к следующим выводам.

1. Падежная парадигма личных местоимений асимметрична парадигме именных падежей, поскольку характеризуется иными оппозициями и синкретизмом.

2. Главные отличия прономинальных падежей от именных состоят в принципиальной «несинтаксичности» номинатива личных местоимений, а также в заимствовании форм генитива из парадигмы притяжательных местоимений.

3. Функции генитива распределяются по трем разным формам, причем все они заимствованы из парадигмы притяжательных местоимений: посессивная функция отдана почти исключительно притяжательным местоимениям¹⁹, партитивная — генитиву 2, объектные функции — генитиву 1.

4. Парадигма прономинальных падежей демонстрирует своеобразный межпарадигматический синкретизм, который обуславливает ее специфику по сравнению с именными падежами.

Литература

- Arkadijev, P. M. 2009: [Cases in the world languages] In: E.V. Muravenko, A. Ch. Piperski, O. Ju. Shemanajeva (eds.) *Lingvistika dl'a vseh. Letniye lingvisticheskiye shkoly 2007–2008. [Linguistics for everybody. Summer linguistic schools of 2007–2008]*. Moscow, 59–71.
- Аркадьев, П. М. 2009: Падежи в языках мира В сб.: Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева (ред.). *Линг-*

¹⁹ В Arnold et al. 1997: 163 прямо указывается, что латинский язык предпочитал притяжательные местоимения генитиву личных: *mea gratia* вместо *mei gratia*. Примеры употребления второго генитива в посессивной функции весьма немногочисленны и почти всегда сопровождаются определением *omnium*, например, *communis nostrum omnium patria* (Cic. *Fl.* 2, 5) ‘общая нас всех родина’: выбор генитива личного местоимения *nostrum*, а не притяжательного *nostra*, возможно, объясняется здесь стремлением избежать нагромождения согласованных определений и наличием эмфатического *omnium* с созвучным окончанием. В выразительном примере из «Аттиса» Катулла — *patria o mei creatrix, patria o mea genetrix* (Catull. 63, 50) ‘о родина, создательница меня, о родина, родительница моя’ — *mei* должно трактоваться как *Genitivus obiectivus*, а не *Genitivus possessivus*: для выражения притяжательности Катулл использует *mea*.

- вистика для всех: Летние лингвистические школы 2007–2008. М., 59–71.
- Arnold et al. 1997: Arnold, T.K. et al. “Bradley's Arnold” *Latin Prose Composition*. New York: Aristide D. Caratzas.
- Baerman, M. 2008: Case Syncretism. In: A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.) *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: OUP, 219–230.
- Barðdal, J., Kulikov, L. 2008: Case in Decline. In: A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 470–478.
- Benvenist E. 1974: *Obschaja lingvistika [General linguistics]*. Moskva: Progress. Бенвенист Э. 1974: *Общая лингвистика*. М.: Прогресс.
- Blake, B. J. 2001: *Case*. Cambridge: Cambridge University Press. 2nd ed.
- Carvalho, P. de 1983: Le système des cas latins. In: H. Pinkster (ed.). *Latin linguistics and linguistic theory*. Amsterdam: J. Benjamins, 59–71.
- Cennamo, M. 2011: Impersonal Constructions and Accusative Subjects in Late Latin, *Impersonal Constructions: A Cross-Linguistic Perspective*. A. Malchukov, A. Siewerska (eds.), Amsterdam: John Benjamins, 2011, 169–189.
- Chernysheva 2018: Chernysheva, V. A. On Direct Object in Latin Impersonal Passive Constructions. *Philologia Classica*, 2018, 13 (2): 241–246.
- Daniel, M., Spencer, A. 2008: The Vocative — An Outlier Case. In: A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.) *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 626–634.
- Jakobson, R. O. 1985a: [To the general case study]. In: *Roman Jakobson. Izbrannyje raboty [Roman Jakobson. Selected works.]*. Moskva, 176–197.
- Якобсон, Р. О. 1985а: К общему учению о падеже. В сб.: Якобсон Р. О. *Избранные работы*. М., 133–175.
- Jakobson, R. O. 1985b: [Morphological observations on Slavic declension]. In: *Roman Jakobson. Izbrannyje raboty [Roman Jakobson. Selected works.]*. Moscow, 176–197.
- Якобсон Р. О. 1985b: Морфологические наблюдения над славянским склонением. В сб.: Якобсон Р. О. *Избранные работы*. М., 176–197.
- Pinkster, H. 2015: *Oxford Latin Syntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Rovai, F. 2012: Between Feminine Singular and Neuter Plural: Re-analysis Patterns. *Transactions of the Philological Society*, 110 (1): 94–121
- Sihler, A.L. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Tronsky, I. M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka. [Historical Latin grammar]*. Moscow: Indrik.
- Тронский, И. М. 2001: *Историческая грамматика латинского языка*. М.: Индрик.
- Woodcock, E. C. 1959: *A New Latin Syntax*. Bristol Classical Press.

Zheltoy, A. Ju., Zheltova, E.V. 2020: [Why the language saves on the case forms, or about the order of cases in Latin]. *Indoeuropeiskoie yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indoeuropean Linguistics and Classical Philology*] 24 (2), 1040–1069.

Желтов, А. Ю., Желтова, Е. В. 2020: Почему язык «экономит» на падежных флексиях, или к вопросу о порядке падежей в латыни. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2020, 24 (2): 1040–1069.

Zheltova, E. V., Zheltoy, A. Ju. 2020: Latin Case System: Towards a Motivated Paradigmatic Structure. *Philologia Classica* 13(2), 208–229.